

ГЛАВА 5

ИСПЫТАНИЯ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ТЕБЯ НАВСЕГДА

Мы пытались найти тень больших тропических деревьев, чтобы защититься от жары, превращавшей русло многоводной реки в подобие печки. К тому моменту мы добрались до широкого пляжа, где глубоко просевшая дорога несколько поднималась и можно было сквозь густые джунгли увидеть солнце. Оно жгло кожу, но ветерок немного помогал унести горячую пыль, не дававшую дышать. Мы были все в пыли и глине.

Вот уже целый день мы ждали вертолета, который должен был отвезти нас обратно в Катманду. Отодвинув с пляжа особенно крупные камни, мы обозначили периметр плоской поверхности, где он мог бы приземлиться. Но в небе царил полная тишина. Нам пришлось пару раз передвинуть тело. Хотя мы обернули его пластиковыми пакетами, на солнце запах становился совершенно невыносимым.

День накануне мы посвятили тому, чтобы спустить останки этого неизвестного мужчины по маршрутам, затерянным под каменными лавинами, и наконец вышли на этот пляж. Не верится, что мертвое тело может столько весить! На самых сложных участках нам не помешали бы еще пять или шесть человек. И, сами не понимая как, мы делили остатки еды еще с полудюжиной парней из ЦАХАЛа, Армии обороны Израиля. Мы мало говорили между собой — сами понимаете, атмосфера была еще та.

Они приехали в поисках своего товарища, в надежде, что он выжил после землетрясения, поразившего Непал той весной, в 2015 году, а мы уже неделю готовили рюкзаки, чтобы попробовать взойти на Эверест в рамках проекта «Вершины моей жизни». Компания получилась странная: три убежденных пацифиста и шесть солдат, приехавших с границы с Газой. Усталость уже давала о себе знать. Они не нашли своего товарища живым, но упрямо твердили, что крайне важно похоронить его на родине. Мы, со своей стороны, толком не знали, почему согласились помочь солдатам в этом бесполезном и дорогостоящем предприятии — вытащить труп из долины, где под камнями похоронены еще триста человек.

В предыдущие дни, поднимаясь, мы видели десятки мертвых тел и сообщали о них через спутниковую связь в расположенные в Катманду посольства и в контрольные пункты, которые разные страны решили развернуть на прилегающей территории и где работали военные. Землетрясение стало настоящей катастрофой для такой бедной страны, как Непал, где дома больше похожи на пещеры из сухого камня и способны обрушиться от малейшей дрожи.

Какая судьба ждала остальные тела, разбросанные по долине? Меня ужасала пропасть между средствами, вкладываемыми в поиск тела одного туриста из богатой страны, и забвением, на которое были обречены тела непальских детей и стариков, оказавшихся под тоннами камня.

В помощь пострадавшим была направлена международная поддержка. Непал — бедная страна, но каждый год она принимает миллион богатых туристов, поэтому на попытку вернуться к нормальной жизни были переданы огромные средства. Несмотря на то что на территории находилось множество контролирующих групп, координация была ужасной, а местное правительство, ко всему прочему, воспользовалось ситуацией, чтобы прикарманить переданные ему средства. К тому же значительная часть энергии растрачивалась на бюрократию.

С нашей стороны помощь была небольшой, но я могу утверждать, что этот момент выжжен в наших душах — моей, Себа Монтаза и Жорди Тосаса. Мы находились там примерно месяц, сначала помогая военным — находить и опознавать тела в долине Лангтанг, а потом разным

негосударственным организациям — доставлять еду тем, кто остался в живых, и оценивать ущерб, нанесенный самым высокорасположенным деревням региона Ганеш, куда можно было добраться только после нескольких дней бега. Под конец мы были обессилены.

Когда я вернулся домой после всего этого, то бросился изо всех сил восстанавливать свой нормальный ритм жизни, проблемы которого обычно не выходили за пределы поддержания более или менее хорошей формы, подготовки логистики перед очередным забегом или размышлений о том, представляет ли хоть какой-то интерес дискуссия, звучащая по радио. Короткое время мы жили в совершенно осязаемой реальности, где все было с большой буквы, где все хлопоты были реальными: есть, спать, выживать, чтобы спасти других. Чтобы оставить все это позади, я решил перевернуть страницу и поменять авиабилет, чтобы направиться прямо в Сегаму и на следующий день пробежать там марафон.

Во время марафона я с самого начала хорошо себя чувствовал. Месяц, проведенный на большой высоте, хорошо сказался на моих силах. Тем не менее, пока я бежал, окруженный тысячами зрителей, мои мысли были далеко; я чувствовал себя грязным из-за участия в таком банальном, непродуктивном мероприятии и из-за эйфории, которая царит среди бегунов и поклонников. В другой точке планеты, в нескольких часах на самолете, шла совсем другая жизнь.

Мы живем в мире, где разные реальности сосуществуют параллельно, видя, но не понимая друг друга. Когда мы встаем утром и листаем газеты или читаем твиттер, у нас складывается впечатление, будто мы побывали везде. Мы видим фотографии теракта в Багдаде, акции протеста в Мурсии, затонувшей вблизи греческого острова лодки с мигрантами, чего-то еще... А поскольку все мы чьи-то отцы, дети или мигранты, мы ассоциируем себя с этими событиями. Проходит несколько секунд, мы читаем комментарий какого-нибудь политика, выхваченный из контекста, аплодируем ему или приходим в негодование. Потом наше внимание переключается на вирусный видеоролик, и мы складываемся пополам от хохота. Потом... Потом... Все кажется

таким близким, будто мы виртуально проживаем много жизней, будто все происходящее на свете принадлежит нам. Но наступает роковой момент, когда мы сталкиваемся со статьей, посвященной тому, в чем мы хорошо разбираемся; по мере чтения от ошеломления начинает болеть живот, потому что мы вдруг отдаем себе отчет в том, какие абсурдные вещи способны говорить и писать люди. А это заставляет сомневаться в любых новостях о тех мирах, которые знакомы нам не так близко. Когда внешнее, поверхностное становится важнее реальных фактов, все часто сводится к тому, чтобы найти простую фразу или повод, которые быстро нарастят аудиторию в соцсетях. Но пока все это происходит, вдалеке от интернет-дебатов сохраняется неравенство, а те, кто страдает в разных странах мира, продолжают страдать. Можно ставить лайки или делиться ссылками до мозолей на пальцах, но эти параллельные реальности не пересекутся.

В последние годы к капиталистическому материализму нашего успешного общества добавилась и концепция личного имиджа. Если раньше выстраивание имиджа было занятием узкого круга людей, вроде политиков или артистов, то сейчас его не избежать никому. Это началось, пожалуй, когда людей стали ставить в центр всего, донося типичные бизнес-послания вроде «Ты сам себе бренд!» Все продолжилось благодаря компаниям, которые на собеседованиях по найму сотрудников стали использовать информацию из соцсетей. Или благодаря технологическим международным корпорациям, которые стали диктовать, кто лучше, а кто хуже, кто настоящий и уникальный, а кто ничтожество, на основе полученных лайков и комментариев. Или благодаря потере приватности, когда любой, кому это интересно, способен знать, что ты ешь, какую музыку слушаешь, где покупаешь носки, кто твой кумир и куда ты думаешь поехать в летний отпуск. У всех нас началась obsессия — и мы превратились в вязкий пластилин, пытающийся адаптироваться к нужной форме. В итоге мы превратились — каждого из нас превратили — в крошечную деталь всемирного бизнеса.

Становится все труднее разграничить то, что мы называем «я», и то, что мы считаем «своим». Мы поверили, что мы — это то, что мы имеем: мое тело, мои умственные способности, моя одежда, мой дом, моя жена

или мой муж, мои дети и мои друзья, а еще моя репутация, моя работа, мой банковский счет. Мы направляем свои эмоции на вещи, которыми обладаем, теряя интерес к тому, что на самом деле представляем собой. Реакции удовлетворения или недовольства зависят от того, можем ли мы присоединить к существительному притяжательное местоимение. И, как мне кажется, развернуть эту тенденцию вспять очень трудно.

Конечно, спорт не устоял перед этими изменениями. Более того, именно в спорте они происходят наиболее заметно и быстро. Практика спорта, которую нам продают сегодня, — это шоу, а для шоу нужна публика. Публика же теперь находится не на стадионах. Или да — но только на одном, огромном стадионе, в который превратился весь мир. У каждого свое любимое удобное место, и, чтобы попасть туда, не нужно выходить из дома. Спортсмен теперь остается спортсменом круглосуточно и должен уже не только тренироваться, но и быть «настоящим», иметь свою точку зрения на любой «дискурс». А поскольку все, что ты сейчас произносишь, предназначено уже не для горстки понимающих, а для глобальной аудитории, информацию приходится доносить в максимально упрощенной, краткой форме, чтобы быстро захватить внимание публики, поглощающей эту информацию в мгновение ока. Я уже знаю: у меня есть всего пять или шесть секунд, в которые нужно уместить нечто настолько впечатляющее, чтобы оставить зрителя бездыханным, чтобы не только зацепить развлекательной стороной, но и заинтересовать. Теперь не нужны сложные объяснения и незначительные детали — смотри, как им всем интересно, надо только придумать цепляющий заголовок, привести понятные цифры, которые можно будет сравнивать. Это бесконечное соревнование между новостями, между спортсменами, между людьми.

На самом деле это серьезная проблема. Мы делаем все, чтобы информация дошла до зрителя, но вскоре понимаем, что в попытках донести ее абсолютно до каждого забыли про одну важную деталь: мы уже не способны донести ничего до самих себя. Наша позиция незаметно изменилась — мы действуем, думаем или пишем, зная, что за нами наблюдают, анализируя каждый шаг. Последствие этого: мы меняем то, что делаем, и то, как это делаем.

Этого влияния не избежал и я. Всем хотелось, чтобы я выигрывал все больше соревнований, — а мне это легко давалось, и я продолжал выигрывать. Тогда от меня захотели установления новых рекордов, например в восхождениях на ту или иную вершину или в лазании по той или иной стене; а еще от меня стали ждать, что я скажу то, что «нужно» сказать, или что окажусь на стороне того, что теоретически должен защищать. Долгое время то, чего хотел я, и то, чего от меня хотели другие, совпадало. Но теперь, без какой-то одной явной причины, этот альянс разрушился и я оказался в ловушке чужих проектов.

Когда я вернулся из Непала, из этого опустошенного ада, где демонстративное восточное изобилие контрастировало с нищетой реальных домов обычных людей, я очень сильно и глубоко ощутил двуличие этих параллельных миров; я понял, что все может разрушиться, рассыпаться в один миг и на это нельзя повлиять. Я понял, что не хочу пожалеть обо всем, что я отложил ради какого-то будущего, — неизвестно, наступит ли оно. Я не хочу, чтобы мой путь даже минимально искажался ради большего количества побед, славы или денег. И хотя это решение заставило бы меня разрушить имидж, который я сам себе создал, мне захотелось убить Килиана Жорнета, избавиться от этого «персонажа».

Семантика важна. Имя, которое мы носим, накапливает коннотации и с годами перестает быть просто комбинацией звуков, позволяющей позвать нас, отличив от других. Оно превращается в целый рюкзак с нашивками, от которых невозможно избавиться. Нам тревожно, когда мы не понимаем и не контролируем окружающий мир, — и поэтому мы присваиваем всему названия. Дать каждой вещи имя — значит создать иллюзию понимания и обладания ею. Если какое-то место не названо, то его не существует. Мы думаем через язык, и если не можем обозначить конкретным словом то, о чем думаем, что видим или ощущаем, то все это теряется, исчезает, как «никогда не существовавшее».

Названия есть у философских течений, у людей есть имена, и у каждой горы тоже. Жители Гриндельвальда не просто так называли Эйгер, гору, дающую им тень, таким именем (Огр, или «Людоед»). Одну и ту же

гору в долине Аосты итальянцы называют Червино¹, а швейцарцы — Маттерхорн, «Материнский рог»². Названия могут быть логичными, описательными, как Монблан («Белая гора») или Педрафорка — гора раздвоенной формы, названная каталонскими словами, означающими «камень» и «вилы». Так же образованы названия гор Эль-Пуро³ или Пик-дю-Миди⁴. Иногда кто-то дает волю воображению, и тогда у природы появляются человеческие атрибуты — как у гор Гранд-Титон в Вайоминге, напоминающих по форме женскую грудь⁵, или у горы Кабаль-Бернат массива Монтсеррат, где «кабаль», то есть конь, — эвфемизм для «караль», вульгарного обозначения полового члена. То же самое можно сказать о горе Шивлинг в Гималаях — ее название также произошло от названия пениса, на этот раз раздвоенного и принадлежащего Шиве. Другие имена появились из-за веры в сверхъестественную природу гор, как, например, Мон-Моди («Проклятая гора»), Эгюий-дю-Дьябль, Пик-де-ль'Инферн или Дистрация⁶. Есть и обратные случаи, когда воображение было на нуле и для локализации вершины в неизвестной топографу стране использовались буквы и цифры — как для K1 или K2. Есть горы, которым дали имя «первооткрывателя», не подумав, что местные жители наверняка уже придумали для них то или иное название: Мак-Кинли⁷, гора Кука, Фицрой, Пико Руссель. В эту категорию входит и самая высокая гора — Эверест. В годы Британской империи колонизаторы, составляя карту Индии, назвали ее пиком XV, но когда они поняли, что это самый высокий пик мира, то решили дать

¹ Cervio по-итальянски — «олень», Cervino — «Оленья гора». *Прим. перев.*

² На самом деле название происходит не от английских mother и horn, а от немецких слов Matte (луг, пастбище) и Horn (пик). *Прим. перев.*

³ Гора в Уэске (Испания), напоминающая по форме узкий цилиндр. Rugo переводится с испанского как «сигара». *Прим. перев.*

⁴ «Южный пик» (фр.). *Прим. перев.*

⁵ Происхождение этого названия остается спорным: по мнению одних исследователей, название Гранд-Титон было присвоено франкоговорящей экспедицией и действительно означает «большая грудь» на французском; другие историки считают, что гора названа в память о племени коренных жителей Америки под названием титон-сиу. *Прим. перев.*

⁶ Дьявольская гора (фр.), Адский пик (фр.), Бесчестие (ит.). *Прим. перев.*

⁷ Гора на Аляске, которая носила имя Мак-Кинли до 2015 года. Сейчас называется Денали. *Прим. перев.*

ей имя руководителя топографического проекта, Джорджа Эвереста. Им было наплевать на то, что китайцы уже триста лет называли ее Джомолунгмой. Непальцы, увидев, как вершина привлекает туристов, в 1960-е годы тоже сделали вклад в топонимику, дав ей имя Сагарматха.

Сила слов пугает, ведь их произнесение может менять смысл. Оно способно успокоить или напугать, превратить в банальность или, наоборот, приукрасить. Поэтому важно понимать, что существование гор предшествовало появлению их названий, — ведь названия им дал человек. Как бы мы ни называли гору, она остается собой, как и мы остались бы собой, не имея имени и фамилии, и продолжили бы испытывать чувства, не находя слов, чтобы описать их.

Я понял, что подсказывало мне сердце. Оно говорило, что хочет вернуться в горы, у которых нет имен, и вновь научиться тому, какими словами описывать чувства.

С момента землетрясения в Непале прошло два года, и я находился в Норвегии, на ферме, где мы с Эмели живем. Мы занимались укреплением забора вокруг загона для овец, который построили незадолго до этого. На прошлой неделе мы увидели, что животные научились перепрыгивать металлическую сетку. Обнаружив в себе эту способность, они стали бесстрашными и постоянно пытались копировать главного героя фильма «Большой побег». В конце концов одна из овец зацепилась за забор. Ей пришлось через боль узнать о том, что такое ловушка, в которую можно попасть в поисках свободы.

Было неизвестно, сколько продлится их уважение к новому забору и когда они снова научатся убегать, прыгая еще выше, так что мы решили опередить овец и немного увеличить высоту некоторых участков. В то утро я должен был ехать в деревню и предложил купить палки и участок сетки, которого нам не хватало, чтобы все доделать в тот же вечер. Когда я зашел в магазин и спросил про материалы, продавец сразу заметил, что по-норвежски я говорю с акцентом. Помогая мне складывать покупки в машину, с улыбкой, еле помещавшейся на лице, он на превосходном английском сказал, что рад, что иностранцам

нравится жить в удаленном тупике, который представляют собой эти горы. Он спросил, не из Марокко ли я, и я ответил, что примерно из тех краев.

Хотя я не особо умею мастерить, мы доделали изгородь. Мне не слишком нравится идея ограничивать землю рамками, но видеть, что собственный труд приносит результаты, очень приятно. Вскоре где-то глубоко в душе я стал чувствовать, что многое должен Эмили за все те периоды, которые провожу вне дома, «лазая по горам».

В это время года, в самом начале лета, солнце не прячется, и это идеальный период для многочасового бега трусцой. Бег — самый гуманный из существующих способов перемещения, самый простой и чистый. Именно бег ближе всего к ходьбе, то есть к тому, что делает бегун, когда устает. Оба этих вида движения преследуют одну и ту же базовую для человека цель: перемещение. А перемещение — синоним открытий. Для меня это одна из основных жизненных функций, без которой нельзя ничему научиться. К тому же после того, как взято одно направление, пути можно до бесконечности разветвлять и приумножать.

Каждый день я выхожу, чтобы побегать или потренироваться на лыжах, но есть простая разница между тренировкой и реализацией проекта: неуверенность в том, что ты сможешь осуществить задуманное. Теперь, после года перерыва из-за травм, у меня появилось желание реализовать что-то особенное, чтобы заставить себя усомниться и снова прожить эти интенсивные чувства, желание снова искать пределы своих возможностей в каком-то конкретном аспекте. Далеко ехать мне не хотелось. «Красота часто прячется буквально за дверью нашего дома», — подумалось мне. Я решил осуществить очень простой план, который требовал максимальной отдачи: выйти из дома, подняться на одну из вершин и следовать по нити горных гребней до тех пор, пока ноги или сердце не скажут, что уже хватит, что они больше не могут.

В одну из пятниц в конце июля я собрал рюкзак, сложив все, что могло мне понадобиться для нескольких суток безостановочного движения по горам: куртку, перчатки, пару десятков энергетических батончиков, короткую веревку, ледоруб и еще небольшое количество вещей.

После завтрака я выбежал из дома как обычно, но только в этот раз я не знал, когда вернусь. Эмили сопровождала меня до первой вершины, среди тумана, окрасившего долины в грустный, сероватый оттенок. На высоте в тысячу метров мы преодолели этот туман и оказались над морем из ваты облаков; наши лица грело солнце, а на горизонте виднелись скалистые острова. «Хочу остаться здесь, двигаясь от одной вершины к другой по линиям, соединяющим их, и больше не оказываться внутри облаков». Мы попрощались с Эмили. Она побежала обратно, а я продолжил движение вперед, по узкой линии гребня, балансируя, чтобы не провалиться в окружающие меня облака. Белая масса выглядела очень мягкой, но смягчить падение не смогла бы.

Обычно, когда я начинаю очередной проект, первое движение, которое я совершаю, — это включение хронометра. Но в тот раз я этого не сделал. Хотя скорость вшита в мою ДНК, я не хотел спешить; мне хотелось бежать как можно дальше, не делая пауз.

Шаг за шагом, камень за камнем, вершина за вершиной я бежал по линии гребня. Солнце грело изо всех сил, а я был один над облаками. Другие люди находились там, внизу, в тумане, жаловались на серость текущего дня и не подозревали, что совсем близко — нужно только подняться — находится рай. Идиллический пейзаж рисовался перед моими глазами, а дорога извивалась, как змея. Дюжина вершин оказалась соединена узкой полосой камня; за ними располагалась еще дюжина, и еще одна, хотя эти пики были так далеко, что я пока не мог их как следует различить. Но я приближался, в плавном танце, заигрывая с риском, что делало весь процесс еще более эмоциональным. Честно скажу: трудности этого маршрута не заставляли меня выходить из зоны комфорта, но, чтобы оставаться в безопасности, все же требовались определенные усилия. Я наблюдал, как зарождается что-то совершенно интимное, приватное, намного более интимное и приватное, чем секс.

Я не знал, сколько сейчас времени, но тело было не обмануть иллюзорной идеей, что время не имеет значения. Положительный перепад высоты составил уже больше семи тысяч метров, и я начал чувствовать усталость. Гребень, по которому я следовал весь день, закончился, и мне пришлось спуститься в долину, чтобы подняться на следующий массив

в поисках другого гребня. Я оставил скалы и снег и оказался в лесу, все более густом, а потом почувствовал запах моря и увидел первые дома деревушки. На этой широте солнце садится всего на пару часов, и именно в этот момент, в темноте, я приблизился к еще спящему поселку. Чтобы никого не разбудить, я прошел мимо тех немногих домов, что там были, на цыпочках и продолжил бег по другой стороне долины, оставляя за спиной аромат моря и густоту кустов и деревьев. Я снова оказался в местности, где чувствую себя лучше всего, — в царстве камня.

Еще царил полумрак, когда я атаковал следующий горный гребень, начало которого выглядело как узкая вертикальная линия. Около четырехсот метров красноватой стены высокомерно бросали мне вызов, и по мере приближения я с переменным успехом пытался угадать, где их слабые места. Подойдя к подножию, я обнаружил целую систему из трещин и двугранных углов, которая выглядела непрерывной, и начал взбираться. Уровень сложности был пятым: не слишком требовательным, но подразумевающим концентрацию и точность движений в этом танце на вертикальной стене. Мои кроссовки мягко прилипали к граниту, а пальцы аккуратно двигались по трещинам, будто старались никого не разбудить.

В таких местах, где камни редко видят людей, тем более поднимаясь без страховки, нужно не сжимать камни, а ласкать их, заниматься с ними любовью, а не сексом. Прежде чем схватиться за выступ, я легко постукивал по нему ладонью или стопой, проверяя, достаточно ли он надежен, чтобы выдержать мой вес. Танцуя с вертикальной каменной стеной, я просил разрешения на каждый шаг, чтобы обнять ее, спрятаться в ее юбках. Я знал, что любое ошибочное движение, даже самое небольшое, приведет к падению, и это разобьет мне сердце.

Когда я добрался до верхней части, стена перестала быть вертикальной. В трещинах, которых становилось все больше и которые были всё шире, росли травинки — и эта трава была практически единственным, что удерживало камни на поверхности стены. В некоторых местах я даже доставал ледоруб и вонзал его в заросли, чтобы чувствовать себя увереннее. Так, в медленном и безопасном темпе, я преодолевал

препятствия и наконец вновь оказался на кромке. Поверхность была не слишком надежной, и мое тело начало сообщать, что оно очень, очень устало. Несмотря на то что мой план подразумевал энергетический батончик или гель через каждые два часа, я бежал и карабкался по горам уже больше двадцати часов, не останавливаясь ни на секунду. Будто ночным небом, меня накрыло и придавило одеялом собственной усталости.

С этим нельзя было ничего поделать. Я ел, но энергии не прибывало, а ноги, хотя еще помнили ощущение свежести, были неспособны бежать, я волочил их по камням. Пейзаж не менялся, и время на переход от одной вершины до другой казалось бесконечным.

В такие моменты задаешься вопросом: какой смысл идти дальше? Усталое, болезненное тело засыпало, жесты были неловкими, а на наиболее сложных участках каждое движение требовало такой концентрации, что темп замедлялся в два раза. Мой мозг боролся со сном; я надеялся найти приятное место, где можно будет улечься на траву, пригреться на солнышке и поспать несколько минут, подпитав тело кислородом. Но такой возможности не было — до момента, когда солнце осветит эту сторону горы, оставалось еще несколько часов, и я хотел сначала пройти этот сложный участок маршрута. Гребень состоял примерно из десятка башен разных форм и размеров; одни были такими узкими, что их мог охватить круг из четырех человек, другие — более полукилометра по периметру и несколько сотен метров в высоту.

Продолжая борьбу со сном и объявленным ногами бойкотом, я продвигался вперед, направляемый инерцией своего упрямства, и добрался до последней вершины этого массива. Я на миг поднял взгляд и посмотрел на стену, уходившую вниз под ногами: обрыв на полторы тысячи метров, а внизу река. Если бросить камень, он упадет в воду, не коснувшись стены.

Я подошел к краю гребня и достал веревку. Нужно было найти каменный блок, достаточно устойчивый, чтобы выдержать мой вес, а лучше — чуть больше. Я нашел его и пропустил веревку за ним. Поскольку она была очень тонкой, у меня должно было получиться стянуть ее вниз после спуска, не оставив никаких следов своего

пребывания. Я спустился дюльфером по трем участкам, затем немного прополз, опираясь ногами и руками, и оказался на леднике; это позволило бежать вниз, соскальзывая и экономя энергию. Вскоре я уже был на дне долины. По шоссе я добежал до Ондалсна, деревни, где живет примерно две тысячи человек. Увидев людей, да еще сразу многих, я наконец осознал, что более суток бежал в полном одиночестве.

Я воспользовался моментом, чтобы купить на заправке несколько батончиков. Ломоть хлеба с сыром и полчаса сна вернули меня в энергичное состояние, точно такое, как в начале этого приключения. Я возобновил маршрут, поднялся на следующий гребень и то бегом, то в скалолазном стиле прошел вершины, которые он соединял. Это была более туристическая зона — время от времени я встречал людей, которые наслаждались пейзажем, и скалолазов, поднимающихся по стенам. Наличие такой компании сделало мой путь веселее. Я начал мысленно разговаривать сам с собой: «Посмотрим, доберешься ли ты до вершины быстрее, чем тот, в красной куртке», «Увидишь, ты обгонишь ту связку, прежде чем они закончат совещаться». Это детская игра, но она помогала мне не заснуть.

Благодаря такому подходу мне несколько часов удавалось обманывать усталость, но в конце концов она завладела всем моим телом. Ноги налились тяжестью и перестали подчиняться приказам мозга. Вечерело, но впереди было еще примерно четыре солнечных часа. Вершина, которая привлекала меня теперь, была самой высокой в этом регионе, с протяженным спуском, и мне хотелось добраться до нее раньше, чем туда доберется тень, чтобы снег оставался еще размягчен дневным теплом и можно было спуститься быстрее и увереннее. Через несколько часов, когда снег скроется в темноте, он станет твердым, будто стекло.

Дорога, хоть и несложная, все время менялась и была обрывистой, так что требовала определенной концентрации. В том состоянии, в котором я находился, на ее безопасное преодоление ушло бы, наверное, три или четыре часа. Ох, как же хотелось спать! Когда я смотрел на дорогу, взгляд затуманивался. Какая мука, когда ты идешь и понимаешь, что засыпаешь на ходу. И как же я был рад увидеть уголок, заросший

травой, среди камней! Я только представил себе, что ложусь туда, закрываю глаза и сплю, как младенец, — и почувствовал прилив счастья. Мало, очень мало на свете вещей, которые могут принести удовольствие больше этого. Я снял кроссовки и носки, разложил их на солнце, чтобы высушить, свернул подушку из куртки и улегся на мягкую траву, заведя будильник на телефоне, чтобы он прозвонил через тридцать минут. Я провалился в глубокий сон.

Я наслаждался сном, когда меня разбудил сигнал телефона. Время двигаться дальше! Солнце пригревало кожу, тепло было приятным в сочетании с легким ветерком, уносившим жару. Почти на автомате я надел носки, обулся и как ни в чем не бывало пошел дальше. Примерно через минуту, когда тело достаточно проснулось, я перешел на бег трусцой и не останавливался, пока не добежал до первого скального участка. Руки с легкостью цеплялись за выступы, ноги вторили им, ко мне вернулась точность движений, потерянная несколькими часами ранее. Со скоростью, которая устроила бы меня даже на коротком забеге, под ногами извивался гребень горы; я чувствовал что-то более близкое к счастью, чем к возбуждению, — ощущение, которое возникает, когда тело и дух работают синхронно. Мне было трудно поверить, что всего час назад я ужасно себя чувствовал, боролся со сном, наказывая самого себя вопросом о том, не лучше ли прекратить бег и вернуться домой. И вот — прошло совсем немного времени, и я снова скачу галопом, выпавшийся, с радостью, которую ни на что не променял бы. С осознанием, что это иллюзорное чувство свежести, этот мираж скоро уступит место другим ощущениям, я хотел прожить его на полную катушку.

Всего за час я добежал до вершины, а потом спустился, скользя по мягкому снегу, пока садилось солнце. Посреди гребня я поколебался и перешел на темную сторону, понимая, что ухожу не только от солнечного тепла, но и от довольно популярного участка дороги и что пройдет часов двадцать, прежде чем я увижу других людей.

Между озерами и водопадами, а значит, без проблем с доступом воды, горы вновь окрасились в черный цвет камней, перемежающихся трещинами, с сомнительной устойчивостью. Ушло солнце, и мое

тело опять потеряло ощущение свежести. Я чувствовал себя уставшим. В условиях экстремального утомления мы, из-за усталости и лени, больше рискуем. Когда прошло более сорока часов с тех пор, как я вышел из дома, я стал тратить энергию на то, чтобы не провалиться в ловушки собственного разума, чтобы ленивый и уставший Килиан не выиграл у рационального Килиана. Чтобы не позволить монотонности завладеть ситуацией, я начал вспоминать текст традиционной итальянской песни, которую повторял раз за разом, будто крутил закольцованную запись: «*Ma ho visto anche degli zingari felici, corrersi dietro, far l'amore e rotolarsi per terra. Ho visto anche degli zingari felici... Zingari...*»¹

На горизонте вновь появилось солнце, и я ждал, когда станет теплее. Самые высокие пики опять окружило море облаков. Спускаясь, я увидел ручей и воспользовался им, чтобы смыть с лица пот, накопившийся за несколько дней. Свежесть воды меня оживила. Я выпил столько воды, что ощутил, как растянулся желудок. Чуть отойдя от речки, я улегся в мягкое ложе травы и, засыпая, почувствовал, как греет солнце.

Наполовину восстановившись и поднимаясь по следующему гребню, я по пальцам пересчитал оставшиеся вершины. Одна рука, пять пальцев — и все, я завершу пробег вокруг фьорда по ребру горных массивов! Если бы примерно тридцать часов назад, когда я погрузился в яму усталости, мне сказали, что я доберусь до этого места, я бы не поверил. Но теперь! Пять вершин — вроде бы мало, однако после ста шестидесяти километров пути и более чем двадцати тысяч метров перепада высоты за пятьдесят часов нельзя было без уважения отнестись к более чем четырем тысячам метров, что лежали впереди. Подзарядив батарейки тридцатиминутным сном и понимая, что впереди меня ждет пряник теперь уже окончательного отдыха, я бросился бежать по каменным плитам с максимальной скоростью.

То ли из-за возбуждения в предвкушении финала пути, то ли из-за усталости — но я забыл повторить мантру об осторожности, сопровождавшую меня все эти часы. Пытаясь бежать по центру дороги и не обращая особого внимания на то, куда ставлю ногу при каждом

¹ Песня 1976 года, главный хит певца Клаудио Лолли. Прим. перев.

шаге, я свалился в небольшую трещину, пересекая последний заснеженный участок. Снег был очень мягким; когда я шел, я погружался в него выше колен; испытывая судьбу, я вслепую доверился надежности этих снежных мостиков, и в конце концов один из них рухнул у меня под ногами. Дыра была не слишком глубокой — максимум пара метров, — но я ударился тазом о серый влажный камень. «Блин, вот дерьмо!» По позвоночнику поднималась острая боль. Я сел, чтобы пару секунд глубоко подышать и успокоить боль. Я убедился, что ничего страшного не произошло, — все части тела функционировали, а шишка, которая должна была вот-вот вскочить на костях таза, не считается. Я поднялся на поверхность и стал искать дорогу среди камней, как надо было сделать с самого начала. «Ерунда, обойдется жестянкой-покраской», — подумал я. И побежал трусцой.

О боли я забыл моментально, а ожидание финала было как эликсир, придавший мне энергии. Три вершины, две вершины... Наконец я начал подниматься по узкому гребню, который вел к последнему пику фьорда. Не знаю, в какой угол я затолкал усталость и сонливость. Среди облаков, вдали, посреди горного ребра, как будто из сна появилась Эмели, которая ждала меня с поцелуем и с бутербродом в руке. Она добежала со мной до последней вершины, а потом мы вместе спустились в поселок.

Несколько минут я сидел на открытом багажнике машины, не начиная пить или есть, не снимая одежду, которая за это время стала моей второй кожей. Мой взгляд был потерян в какой-то точке на асфальтированной дороге. Мозг — пустой. Наверное, именно в этой пустоте и живут силы, заставляющие идти на поиски приключений. Когда проект завершается, в течение короткого времени не существует ни прошлого, ни будущего¹.

Конечно, затеять этот проект всего через три месяца после того, как на гонке Пьерра-Мента я сломал малоберцовую кость, было глупостью.

¹ Этот проект Килиана, пробег по гребням вокруг фьорда в течение 56 часов, можно увидеть в короткометражном ролике на его официальном сайте: <https://www.kilianjornet.cat/es/media/long-day-out>. Прим. перев.

Уверен, что ни один врач не рекомендовал бы это в качестве реабилитации, а моему врачу я просто ничего не сказал, так что он не знал — до сих пор. Но именно это делает меня живым: искать дорогу, понимая, что высок риск падения. Помимо того, что я проверил, как идет процесс восстановления, мне было очень интересно объединить две любимые дисциплины, то есть бег на длинные дистанции — а для меня пробежать сто семьдесят или двести километров не очень-то сложная задача — и скалолазание, в плане которого я не был так уверен, учитывая, что предстояло подняться на множество стен. В глубине души я понимаю, что ради настоящего удовольствия мне нужно идти к самому краю зоны комфорта, а значит, оставаться там, где я умею что-то делать, но нагружать себя до максимальных пределов.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

издательство

МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

Максимально полезные книги